

1000

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БЮГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛЮТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

О. И. СЕНКОВСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

въ связи съ исторіей современной ему журналистики

SOLOV'EV

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Е. Соловьева

Съ портретомъ Сенковского, гравированнымъ въ Петербургѣ

К. Адомъ

.....
ЦѢНА ■■■ КОП.
.....

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ОБЕРТКА ПЕЧАТ. ВЪ ТИПОГР. ТОВАРИЩ. «ОБЩЕСТВ. ПОЛЬЗА», Б. ПОДЪЯЧ. 39

1891

ИЗДАНИЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Литература, публицистика и законовѣдѣніе.

СОЧИНЕНИЯ ПУШКИНА Съ портретами, біографіей и 500 рисунками. Полное собраніе въ 1-мъ томѣ и въ 16 томахъ. Цѣна 1-томнаго и 10-томнаго изданія одна и та же: безъ карт.—1 р. 50 к. Съ 44 картин.—2 р. 50 к. На лучшей бумагѣ—на 50 к. дороже. За переплет: для 1-томнаго изданія—40 к. и 1 р. Для 10-томнаго (5 перек.) 1 р. и 2 р.

СОЧИНЕНИЯ ПУШКИНА. Полное собраніе стихотвореній и всѣхъ баллетристикъ въ прозѣ. Въ 1 томѣ. Съ біографіей, портретами, и пр. Ц. 1 р. Съ карт.—2 р.

СТИХОТВОРЕНИЯ ПУШКИНА. Полное собраніе съ портретами, біографіей и пр. Въ одномъ томѣ (770 стр.). Цѣна безъ карт.—75 к. Съ картин.—1 р. 50 к.

БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ изъ „Сочиненій Пушкина“. 44 иллюстраціи съ подписками и портретами. Ц. въ напѣ 1 р. 50 к.

МАЛЫЙ АЛЬБОМЪ изъ „Сочиненій Пушкина“. Тѣ же иллюстраціи, но меньшаго формата. Рисунки на деревѣ. Ц. въ холостомъ переплетѣ—1 р. 25 к.

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА. Повѣсть А. Пушкина. Роскошное изданіе съ 188 рис. Ц. 60 к. Въ напѣ—75 к. въ переп. 1 р.

СОЧИНЕНІЯ ГЛѢБА УСПЕНСКАГО. Съ портретами автора и статей Н. Михайловскаго. Ц. за два тома—3 р. Переплетъ въ 50 к. и въ 1 р.

СОЧИНЕНІЯ А. М. СКАВИЧЕВСКАГО. Критич. очерки, публицист. этюды, литер. характеристика. Цѣна за все собраніе въ 2 большихъ томахъ 3 р.

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО МНѢНІЯ въ государственной жизни. Профес. Гольцендорфа. Ц. 75 к.

СОЧИНЕНІЯ О. РЫШЕТНИКОВА. Въ 3 томахъ. Съ портретами автора и статей М. Протопопова. Цѣна 2 . 50 к. Переплетъ въ 50 к. и 1 р.

СОЧИНЕНІЯ Н. В. ШЕЛГУНОВА. Въ 2 томахъ. Съ портр. автора и статей Н. Михайловскаго. Цѣна за оба тома 3 р. Въ переп. 3 р. 50 к. и 4 р.

ТУРГЕНЕВЪ О РУССКОМЪ НАРОДѢ. Съ портретами Тургенева. Ц. 15 к.

ВЪ ПОИСКАХЪ ЗА ИСТИНОЙ. Мавра Нордау. Перев. В. Зауера. Ц. 2 р.

ВЕСЕЛЫЕ О ЗАКОНАХЪ И ПОРЯДКАХЪ. С. Горанской. Ц. 15 коп.

ЗАКОНЫ О ГРАЖДАНСКОМЪ ДОГОВОРАХЪ, общепонятно изложенные и объясненные. Составилъ В. Фармаковский. Изд. 4-е. Ц. 1 р. 25 к.

НОВѢЙШІЕ РУССКІЕ ХИСТАТЕЛИ. Хрестоматія для старшихъ классовъ гимназій и книга для домашн. чтенія. А. Цвѣткова. Съ портретами. Ц. 3 р.

ОЧЕРКИ САМОУПРАВЛЕНІЯ С. Приклонскаго. Ц. 2 р.

БОРЬБА СЪ ЗЕМЕЛЬНЫМЪ ХИЩНИЧЕСТВОМЪ. Вытоме очерки Н. Тиможенкова. Ц. 1 р.

БРЮХО ПЕТЕРБУРГА. А. Вахтiarова. Цѣна 1 р.

СЧАСТЬЕ И ТРУДЪ. П. Мантегацца. Ц. 75 к.

БОЛЬШАЯ ЛЮБОВЬ. Гатчинскій романъ П. Мантегацца. Ц. 50 к.

НАШИ ОФИЦЕРСКІЕ СУДЫ. Ф. Павленкова. Цѣна 35 к.

ВЯТСКАЯ НЕЗАБУДКА. 2-е изд. Ц. 75 к. **ИСТОРІЯ КНИГЪ НА РУСИ.** А. Вахтiarова. Со мног. рис. Ц. 1 р. 50 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПУШКИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Русланъ и Людмила. Съ 8 картинками. ц. 10 к. — Кавказскій плѣнникъ. Съ 3 карт. ц. 3 к. — Братья Разбойники. Съ 3 карт. ц. 2 к. — Бахчисарайскій фонтанъ. Съ 3 карт. ц. 3 к. — Цыганы. Съ 3 карт. ц. 3 к. — Полтава. Съ 5 карт. ц. 6 к. — Галубъ. Съ 2 карт. ц. 2 к. — Сказна о царѣ Салтанѣ. Съ карт. ц. 4 к. — Сказна о поитѣ. Съ 2 карт. ц. 2 к. — Сказна о мертвой царевнѣ. Съ 2 карт. ц. 2 к. — Сказна о золотомъ петушкѣ. Съ 2 карт. ц. 2 к. — Сказна о рыбацкѣ и рыбкѣ. Съ 2 карт. ц. 2 к. — Пѣсни западныхъ славянъ. Съ 3 карт. ц. 4 к. — Евгений Онегинъ. Съ 11 карт. ц. 20 к. — Графъ Нулинъ. Съ 3 карт. ц. 2 к. — Домикъ въ Коловнѣ. Съ 2 карт. ц. 2 к. — Мѣдный всадникъ. Съ 3 карт. ц. 3 к. — Анжелика. Съ 3 карт. ц. 3 к. — Борисъ Годуновъ. Съ 9 карт. ц. 10 к. — Скупой рыцарь. Съ 2 карт. ц. 2 к. — Мертвъ и Сальери. Съ карт. ц. 2 к. — Каменный гость. Съ 3 карт. ц. 3 к. — Пиръ во время чумы. Съ 2 карт. ц. 3 к. — Русалка. Съ 4 карт. ц. 3 к. — Выстрѣлъ. Съ 2 карт. ц. 3 к. — Метель. Съ 2 карт. ц. 3 к. — Гробовщикъ. Съ 2 карт. ц. 3 к. — Станціонный смотритель. Съ 3 карт. ц. 3 к. — Барышня-крестянина. Съ 3 карт. ц. 4 к. — Пиковая дама. Съ 3 карт. ц. 3 к. — Дубровский. Съ 5 карт. ц. 10 к. — Арапъ Петра Великаго. Съ 3 карт. ц. 6 к. — Капитанская дочка. Съ 11 карт. ц. 20 к. — Исторія Пугачев. бунта. Съ мног. карт. ц. 20 к. — Всѣ поэмы. Съ 21 карт. ц. 25 к. — Всѣ сказки. Съ 6 карт. ц. 10 к. — Всѣ баллады и легенды. Съ 4 карт. ц. 10 к. — Всѣ драмат. произведенія. Съ 17 карт. ц. 20 к. — Повѣсти Бѣлинина. Съ 7 карт. ц. 10 к. — Всѣ письма. Съ 26 портретами. ц. 25 к.

15 Іюля 1891 г. Ф. Павленковъ выпустилъ дешевое изданіе **СОЧИНЕНІЙ ЛЕРМОНТОВА**, иллюстрированное 115 рисунками. Цѣна 1 р.

С
В
С
В
С

1

ДОВВ. ЦЕНВ. СПВ. 23 МАРТА 1892 Г.

ТНН. ТОВ. „ОВИЦ ПОЛЪВА“, В. ПОДЪЛЧ.

О. И. Сенковскій.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

БЮГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

О. И. СЕНКОВСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРІЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ЕМУ ЖУРНАЛИСТИКИ.

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Е. А. Соловьева.

Съ портретомъ Сенковского, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

.....
ЦѢНА [ ] КОП.
.....

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

**Типографія С. Н. Худякова. Владимірскій пр., № 12.
1892.**

Книги для дѣтей и юношества.

Иллюстрированные романы Динненса въ сокращенномъ переводѣ *А. Шалуновой*. 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большия надежды, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лавка древностей, 7) Крошка Дорратъ, 8) Тяжелыя времена, 9) Холмидный домъ, 10) Николай Никльби, 11) Два города, 12) Мартинъ Чезлвортъ. Цѣна каждаго романа 40 к. Въ папкѣ 60 к., въ перешитъ по 6 ром. мѣстѣ—3 р. 25 к.

Всякому гвоздю свое мѣсто. *А. Крулова*. Съ 48 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

Дѣтскій напарнякъ. *Азбелева*. Съ 16 рис. Ц. 20 к.

Баумдающие огоньки. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ. *Бажиновъ*. Съ 44 рисунками. Ц. 1 р. Въ папкѣ Ц. 1 р. 25 к. Въ перешитъ Ц. 1 р. 60 к.

Два проназника. Шутливый разсказъ въ стихахъ. *В. Бума*. 100 рис. Ц. 60 к., въ папкѣ 75 к., въ перешитъ 1 р. 25 к.

Русскія народныя сказки въ стихахъ. *А. Брячисникова*. Съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Множество рисунковъ. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 50 к., въ перешитъ 3 р.

Въ добрый часъ! Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ. *А. Ляшко*. Съ рисунками. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ перешитъ 1 р. 25 к.

Задуманные разсказы. *П. Засодимскаго*. Два тома съ 185 рис. Цѣна каждаго въ папкѣ 1 р. 60 к. Въ перешитъ 2 р.

Хорошіе люди. *В. Острогорскаго*. Съ 45 рисунками. 2-е изданіе. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перешитъ 1 р. 60 к.

Изъ жизни и исторіи. *А. Арсеньева*. Съ рис. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перешитъ 2 р.

Послушаешь! Дѣт. разсказы. *Ноландъ*. Съ 28 рис. въ папкѣ 1 р., въ перешитъ 1 р. 35 коп.

Наглядныя несообразности. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ). *Ф. Павликова*. 10 листовъ (на каждомъ по 20 рис.). Ц. 1 р. „Объясненіе“ въ книгѣ 5 к.

Робинзонъ. Его жизнь и приключенія. *Гейблера*. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 107 рис. Ц. 30 к., въ папкѣ 40 к., въ перешитъ 60 к.

Иллюстрированные романы Вальтера-Скотта въ сокращенномъ переводѣ *А. Шалуновой*. 1) Веверлей, 2) Антикараръ, 3) Робъ Рой, 4) Айвенго, 5) Астролей, 6) Квентинъ Дорвардъ, 7) Вудстокъ, 8) Замокъ Кенильвортъ, 9) Ламмермурская невеста, 10) Легенда о Монстроу и др. Ц. каждаго романа 40 к., въ папкѣ 50 к., въ перешитъ по 5 романовъ мѣстѣ Ц. 2 р. 80 к.

Черныя богатирь. *Е. Конрады*. Со множествомъ рис. Цѣна 2 р., въ перешитъ 2 р. 75 коп.

Математическіе софизмы. 50 теоремъ доказывающихъ, что $2 \times 2 = 5$, часть большаго своего числа, и проч. Составилъ *В. Обершмюль*. Ц. 40 к.

Математическія развлечения. *Лукаса*. Переводъ съ франц. Съ 35 фигурами и таблицами. Ц. 1 р., въ перешитъ 1 р. 75 к.

Тройная головоломка. *В. Обершмюль*. Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рис. и 30 кастетами. Ц. 1 р.

Образовательное путешествіе. Живописныя очерки отдаленныхъ странъ. *С. Воррисюфера*. 2-е изд. Съ 73 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перешитъ 2 р. 25 к.

Черезъ дѣбри и пустыни. Сѣкнатыя молодымъ бѣглецомъ. *С. Воррисюфера*. Съ иллюстр. Ц. 2 р. въ папкѣ 2 р. 25 к., въ перешитъ 2 р. 75 к.

Сказочная страна. Приключенія двухъ братьевъ. *С. Воррисюфера*. Съ иллюстр. Ц. 2 р. въ папкѣ 2 р. 25 к., въ перешитъ 2 р. 75 к.

Приключенія контрабандиста. *С. Воррисюфера*. Съ иллюстраціями. Цѣна 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перешитъ 2 р. 25 к.

Мученики науки. *Г. Тисандье*. Переводъ подъ редакціей *Ф. Павликова*. Съ 55 рисунками. 8-е изд. Ц. 1 р. 50 к. Въ перешитъ 2 р.

Вечерніе досуги. *Крулова*. Съ 70 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 60 к., въ перешитъ 2 р.

Научныя развлечения. *Г. Тисандье*. Пер. подъ редакц. *Ф. Павликова*. 8-е изд., съ 358 рисунками. Ц. 1 р. 50 к., въ перешитъ 2 р. 25 к.

Сказки Густафсона. Съ рис. Цѣна 1 р. 25 к. въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перешитъ 1 р. 75 к.

На землѣ и подъ землею. Сборникъ разсказовъ *Галузева*. Съ 40 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 60 к., въ перешитъ 2 р.

Рыцарь графъ. Незадачливый. Дочь угольного. *П. Засодимскаго*. Ц. каждой книжки по 35 к.

Живныя картины. *А. Смирнова*. Сборникъ разсказовъ. Съ 50-ю рис. Ц. 1 р. 60 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ пер. 2 р.

Янки Вологодскаго уѣзда. *А. Крулова*. С 6 рисунк. Ц. 25 к.

Незабудки. *А. Крулова*. Съ 50-ю рисунк. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перешитъ 2 р.

Приключенія сверчка. *Э. Кандеа*. Съ 67 рис. Ц. 2 р., въ пап. 2 р. 25 к., въ пер. 2 р. 50 к.

Исторія открытія Америки. Ламе-Флери. С 52 рис. Ц. 75 к., въ пап. 1 р., въ пер. 1 р. 30 к.

Двадцать біографій образованныхъ русскихъ писателей. Сост. *В. Острогорскій*. Съ 20 портр. Ц. 60 к. Въ папкѣ 75 к. Въ перешитъ 1 р.

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА.

1) Экстазы человѣка. *П. Маттеиоцци*. Въ 2-хъ частяхъ. Ц. 1 р. 50 к., 2) Психологія вниманія. *Д-ра Рио*. Ц. 50 к., 3) Берегитесь легкія. Гигіеническія бесѣды д-ра *Нимебера*. Съ 30 рис. Ц. 75 к., 4) Современныя психопаты, д-ра *А. Каллера*. Ц. 1 р. 50 к., 5) Предсказаніе погоды. *А. Далле*. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к., 6) Физиологія души. *А. Герценца*. Ц. 1 р., 7) Психологія великихъ людей. *Г. Жюль*. 2-е изд. Ц. 1 р., 8) Дарвинизмъ. *Ф. Ферьера*. Общедоступное изложеніе идей Дарвина. Ц. 60 коп.,

9) Міръ грезъ. *Д-ра Симона*. Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Ц. 1 р., 10) Первообытныя люди. *Дебвера*. (многими рис. Ц. 1 р. 11) Законы подражанія. *Тарда*. Ц. 1 р. 50 к., 12) Геніальность и невнимательство. *Д. Ломброго*. Съ портр. автора и нѣсколькими рис. 2-е изд. Ц. 1 р., 13) Общедоступная астрономія. *Л. Фламмаріона*. (100 рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 14) Гигіена семьи. *Губера*. Ц. 60 к., 15) Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. *Нисландъ*. Съ 35 рис. Ц. 1 р.

Slav 4353.49.805

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Keller

СТРАН.

- I. Въмѣсто предисловія. Характеристика русской журналистики вообще.—Журналистика 20-хъ и 30-хъ годовъ.— Н. И. Полевой и «Московскій Телеграфъ». — Надеждинъ.— «Телескопъ». — «Система» эпохи Николая I-го. — Судьба интеллигентной мысли. — Цензурныя строгости. — Запрещеніе «Телескопа». — Письмо Чаадаева. — Булгаринъ . . . 5
- II. Сенковский до выступленія на поприще журналиста. — Почему такъ хорошо забытъ Сенковский? — Характеристика его, какъ личности и писателя. — Дѣтство и воспитаніе. — Поѣздка на Востокъ. — Литературная дѣятельность до открытія «Библіотеки для Чтенія» 19
- III. Начало «Библіотеки для Чтенія». — Сенковский какъ редакторъ. — Литературныя нравы 30-хъ годовъ. — Характеристика «Библіотеки для Чтенія». — Сенковский, какъ критикъ. — Что далъ обществу его журналъ 43
- IV. Характеристика 30-хъ годовъ. — Новые запросы русской интеллигентной мысли. — Нѣмецкій идеализмъ на русской почвѣ. — «Отечественныя Записки». — Паденіе журнала Сенковского 61
- V. Семейная жизнь Сенковского. — Воспоминанія Ахматовой. — Надорванныя силы. — Последняя вспышка таланта. — Смерть 74

ИСТОЧНИКИ.

О. И. Сенковский. Полное собраніе сочиненій Спб. 1859 г. (Биографическій очеркъ при первомъ томѣ).

О. И. Сенковский. Биографическія записки его жены. Спб. 1858.

Затѣмъ свѣдѣнія о Сенковскомъ можно найти въ различныхъ журналахъ, преимущественно историческихъ. Свѣдѣнія эти отличаются большою разбросанностью. Очень любопытны письма Сенковского къ Ахматовой, помѣщенные въ «Русской Старинѣ» за 1883 годъ. Стоитъ также упомянуть о статьяхъ Старчевскаго въ «Историч. Вѣст.» (1886 г.) и некрологъ Дружинина въ Вибл. для Чт. за 1858 г.

Кромѣ того кое-что взято нами изъ книгъ г. Котляревскаго (М. Ю. Лермонтовъ) и Мих. Ворна (Происхожденіе славянофильства).

Вмѣсто предисловія.

Характеристика русской журналистики вообще.—Журналистика 20-хъ и 30-хъ годовъ. — Н. И. Полевой и «Московский Телеграфъ». — Надеждинъ. — «Телескопъ». — «Система» эпохи Николая I-го. — Судьба интеллигентной мысли. — Цензурныя строгости. — Запрещеніе «Телескопа». — Письмо Чаадаева. — Вулгаринъ.

Журналистика, хотя нѣсколько напоминающая современную намъ, выступила на сцену еще при жизни императора Александра I-го, въ 20-хъ годахъ нашего столѣтія. Русская мысль того времени склонялась къ оптимизму, къ жизнерадостному настроенію и полному примиренію съ окружающимъ. Литература съ замѣчательнымъ талантомъ проводила эту точку зрѣнія на жизнь, во имя которой работалъ и Пушкинъ. Самое недовольство бытіемъ принимало форму не дерматовскихъ проклятій, не «романтическихъ» взрывовъ негодованія, — а грустной элегіи, поэтической меланхоліи, которая служила очень милымъ и красивымъ дополненіемъ къ господствовавшему эпикуреизму. То бурный и вакхическій, какъ въ стихотвореніяхъ Языкова, то тихій и наивный, какъ у Жуковского, то съ философскимъ колоритомъ, съ признаніемъ первенствующей роли за эстетическими наслажденіями, какъ у Пушкина, — этотъ эпикуреизмъ, принимая различныя формы, оставался вѣренъ самому себѣ, заставлялъ искать примиренія съ жизнью, и дѣйствительно всѣ дѣятели 20-хъ годовъ въ концѣ концовъ нашли его: Жуковский — въ религіи и руссофильствѣ, Пушкинъ — въ творчествѣ, Языковъ — въ покаяніи и смиреніи лично, въ гордости своей родиной. Конечно, это не единственное настроеніе двадцатыхъ годовъ, но настроеніе господствующее, завѣщанное первой половиной александровской эпохи, когда такъ легко вѣрили и такъ весело, шутливо жили. Самые литературные нравы того времени такъ рѣзко отличались отъ нашихъ, что нужно особенное усиліе, чтобы составить о немъ хотя приблизительно понятіе. Ужъ ни въ какомъ случаѣ литература не была потребностью и даже необходимой потребностью, какъ въ настоящее время. Большинство публики смотрѣло на нее какъ на роскошь, сами писатели даже и не мечтали ставить ей какія нибудь практическія цѣли.

Поэты творили прежде всего для самихъ себя и охотно признавались, что исканіе славы, т. е. вліяніе на современниковъ, есть слабость человѣческая, достойная порицанія. Такъ думали и Пушкинъ, и Жуковский, такъ думали и тѣ, кто группировался вокругъ нихъ, и во всякомъ случаѣ литература и жизнь ничего общаго между собою не имѣли: если послѣдняя была пустыней, то первая—ничѣмъ инымъ, какъ миражемъ среди этой самой пустыни. Знаменитая формула «искусство для искусства» не могла даже встрѣтить какого нибудь возраженія, она была одной изъ аксіомъ, одной изъ заповѣдей, написанныхъ на скрижаляхъ творчества. Возьмите нашихъ писателей, олимпійцевъ того времени, возьмите прежде всего Пушкина и его учениковъ. Для чего писали они? На этотъ вопросъ съ ихъ стороны нѣтъ отвѣта, и во всякомъ случаѣ Пушкинъ съ презрѣніемъ оттолкнулъ бы его отъ себя. Писать для чего нибудь—можно развѣ канцелярскую бумагу или какой нибудь проектъ ассенизаціи, можно писать лишь по тому, что есть потребность творчества, потребность настойчивая и деспотическая, такая-же, какъ ѣсть, пить, спать, безъ удовлетворенія которой нѣтъ полноты жизни и довольства; можно писать лишь по призыву внутренняго чувства, чтобы воплотить тревожные образы, дать выходъ и просторъ накопившемуся чувству. Писатель это — жрецъ, стоящій передъ невѣдомымъ богомъ искусства, но никакъ не передъ толпой современниковъ.

Само собою разумѣется, что подобное настроеніе было очень далеко отъ мысли взымать на литературу какія-бы то ни было общественныя задачи и ставить ей какія-бы то ни было практическія цѣли. Литература служила обществу, гуманизировала его, воспитывала его мысль и чувство—это несомнѣнно; но все это дѣлалось помимо самихъ писателей, лучшіе изъ которыхъ держались на литературу своей собственной точки зрѣнія. Эта точка зрѣнія рѣшительно ничего не имѣла противъ того, чтобы художественные образы воздвигались, говоря метафорически, на болотѣ общественной жизни, чтобы чудныя созданія искусства точно камни драгоценныя съ неба падали въ обстановку, ничего общаго неимѣвшую съ ихъ блескомъ и красотой. Литература, просто-на-просто, была аристократической. Цѣнителями и судьями былъ строго ограниченный кружокъ писателей олимпійцевъ, мнѣніе массы игнорировалось столько-же, сколько и ея стремленія и цѣли ея бытія. Въ своей творческой дѣятельности поэтъ искалъ прежде всего наслажденія, смѣло и свободно отдавался онъ порыву вдохновенія, не тревожа себя мыслями о земныхъ задачахъ и противорѣчіяхъ. Онъ былъ худож-

никомъ въ лучшемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ узкомъ смыслѣ этого слова.

Онъ искалъ наслажденія въ творествѣ, и забота о «мелкой» жизненной правдѣ не всегда тревожила его душу.

Трудно сказать, въ какой глухой переулочъ ударились-бы подобное направленіе, однако на сцену появилась журналистика.

Нельзя отрицать, что журналистикѣ вообще въ дѣлѣ сближенія литературы и жизни пришлось сыграть выдающуюся, хотя и не исключительную роль. Кому же какъ не журналистикѣ Россія обязана тѣмъ, что въ ней въ настоящее время обрѣтается такая масса читателей? Это одно чего нибудь да стоитъ, и съ нашей точки зрѣнія стоитъ очень многого. Безъ этой массы народа, способной интересоваться написаннымъ и понимать его,—литература никогда-бы не могла сдѣлаться общественной силой, она все-бы еще продолжала изображать изъ себя прекрасную картинную галерею, входъ въ которую доступенъ очень немногимъ. Масса читателей нужна, необходима даже, чтобы вывести литературу изъ очарованнаго круга чисто эстетическихъ задачъ и идеаловъ и превратить писателя въ общественнаго дѣятеля. Конечно мадонна Рафаэля сама по себѣ ровно ничего не выиграетъ и ровно ничего не потеряетъ, будутъ ли на нее смотрѣть 5 или 5000 человекъ: въ томъ и другомъ случаѣ она одинаково остается дивнымъ созданіемъ искусства, великимъ памятникомъ того, до какой высоты можетъ подняться духъ человѣческій; но вліяніе художественнаго творчества на жизнь складывается не изъ одного элемента, т. е. достоинства самаго произведенія, а изъ двухъ: достоинства—это во-первыхъ, общедоступности—во-вторыхъ. Во имя этой общедоступности, во имя распространности и популяризаціи и работала всегда русская журналистика; и работала, надо отдать ей полную справедливость, и энергично, и въ сущности умѣло.

Двумя путями создавала она массу читателей: съ одной стороны давая ей интересное, разнообразное и доступное чтеніе, съ другой—популяризуя знанія, воспитывая эту массу и пододвигая ее понемногу къ тѣмъ высотамъ, до которыхъ добралась художественная литература и наука. Оттого-то журналы и играли всегда такую выдающуюся роль у насъ въ Россіи, оттого-то и возможно высказывать мнѣніе: «въ исторіи нашего умственнаго развитія журналистика является какъ-бы центральной осью». Журналистика, повторяемъ, это постоянный посредникъ между художественной литературой и наукой, и массой публики.

Вѣдь то же самое, что мы говорили объ аристократизмѣ художественной литературы, вполне применимо и къ наукѣ, применимо даже теперь, не говоря уже о томъ, что было 50 лѣтъ тому назадъ. Еще въ сороковыхъ годахъ Бѣлинскій писалъ: «Наука у насъ слишкомъ слабое и нѣжное растеніе, которому некогда было даже пустить корней, не только развернуться пышнымъ и благоуханнымъ цвѣтомъ. Это впрочемъ не значить, чтобы у насъ не было науки; это значить только, что наука на Руси до сихъ поръ еще что-то вродѣ элевзинскихъ таинствъ,—исключительное достояніе небольшого избраннаго класса людей, а не цѣлаго общества, какъ въ западной Европѣ. Многіе еще изъ посвящающихъ себя исключительно наукѣ, у насъ учатся не для знанія, а для аттестатовъ, открывающихъ путь къ разнымъ преимуществамъ по службѣ. Засѣданія ученыхъ обществъ въ глазахъ нашей публики, на которыя должно смотрѣть съ приличною важностью, не зѣвая. Самъ Араго не привлекъ-бы своими статьями и отчетами разнообразной и полной просвѣщеннаго интереса толпы». Если это справедливо для сороковыхъ годовъ, то что-же сказать о 20-хъ и 30-хъ? То только, что наука была для массы совершенно постороннимъ предметомъ.

Очевидно, что журналистика, принявши на себя отчасти по силѣ необходимости, отчасти по доброду желанію своихъ руководителей, роль посредника между массой съ одной стороны, художественной литературой и наукой—съ другой, должна была проникнуться энциклопедическимъ направленіемъ и развить по возможности отдѣлъ литературной критики. Та и другая особенность сразу бросается въ глаза не только въ томъ случаѣ, если вы возьмете на себя трудъ перелистать старыя журналы двадцатыхъ, тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, но и журналы настоящаго времени. Статьи по естествознанію, статьи по исторіи, языкознанію, биологіи, соціологіи, психологіи — чередуются съ романами и повѣстями. *Utile cum dulci*—таковъ девизъ, провозглашенный еще «Московскимъ Телеграфомъ» Полевого, «Библіотекой для Чтенія» Сенковского, «Отечественными Записками» и т. д. Рядомъ со всѣмъ этимъ—литературная критика, и притомъ на самомъ почетномъ мѣстѣ. Роль и значеніе этой критики нашли себѣ прекрасную оцѣнку въ статьяхъ Бѣлинскаго. Вотъ что между прочимъ говоритъ онъ: «У насъ общественная жизнь преимущественно выражается въ литературѣ; поэтому нѣтъ ничего мудренаго, если всѣ наши журналы по преимуществу—журналы литературныя, наполняемые или произведеніями литературы, или толками о литературѣ». И дальше: «Всѣхъ литературнаго мнѣнія, сколько

нибудь оригинальнаго и самообытнаго, высказываемаго съ большимъ или меньшимъ умомъ и талантомъ, теперь и у насъ журналъ уже не можетъ имѣть успѣха. Критика, въ отношеніи къ успѣху и вліянію журнала, начинается становиться едва-ли не важнѣе самихъ повѣстей. Правда, подъ критикою у насъ еще не всѣ разумѣютъ разсмотрѣніе произведеній искусства на основаніи науки изящнаго; напротивъ, большая часть публики добродушно почитаетъ критикою всякую болтовню о литературныхъ предметахъ, всякую рецензію на пустую книжонку, — и потому у насъ стоитъ только назвать себя критикомъ, чтобы прослыть критикомъ... но все-же душа журналистики—литературная критика».

Если читатель согласенъ съ изложеннымъ выше взглядомъ на журналистику и на ея роль у насъ, на Руси, то какъ нельзя болѣе понятными стануть для него и нижеслѣдующія слова Бѣлинскаго, сказанныя имъ въ 1841 году: «И такъ, этотъ успѣхъ журналистики, душа которой—критика, служить самымъ яснымъ и неопровержимымъ доказательствомъ, что литература наконецъ укоренилась на почвѣ русской національности, вошла въ жизнь общества, сдѣлалась его обычаемъ и живою потребностью и уже перестала быть вѣтхимъ нововведеніемъ, модою или книжнымъ педантизмомъ».

Этотъ успѣхъ журналистики созданъ прежде всего ею самою, и мы скоро увидимъ, какъ не дешево онъ ей достался.

* *
*

Вспоминать о журналистахъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ—значитъ вызывать передъ собой скорбныя тѣни. Глубокая пропасть времени, лежащая между нами и ими, позволяетъ отнестись къ нимъ безъ ненависти и раздраженія, и какъ только мы устранимъ эти чувства, нами не можетъ не овладѣть само искреннее состраданіе. Многие изъ нихъ были смѣлые и хорошіе, даже честные люди, многие не остались таковыми, пройдя тяжелую и многотрудную карьеру журналиста. Передъ нами тѣнь Надеждина, разбитаго параличемъ послѣ неожиданной для него поѣздки въ Вятку; тѣнь Полевого, потерявшаго все—талантъ, силу, здоровье, славу въ борьбѣ съ невысказанными обстоятельствами. Скорбныя тѣни многострадальных людей, которымъ если не все, то многое простится, даже за малое содѣянное ими, ибо и на это малое приходилось убивать недюжинныя силы...

Начнемъ съ Полевого. Бѣлинскій, Панаевъ и вообще кружокъ «Современника» произнесли ему когда-то суровый приговоръ. Вотъ напр.,

что говоритъ Панаевъ въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ: «Немногіе, даже изъ замѣчательныхъ людей, берегаютъ до старости то живое начало, ту свѣтлость духа, тѣ благородныя стремленія, которыя одушевляли ихъ и давали имъ силу въ молодости...» Грустно смотрѣть на этихъ ослабѣвшихъ людей, но... «ничто не можетъ быть жалче и печальнѣе, когда видишь человѣка, разбитаго жизнью, безсильнаго, пережившаго самого себя, старающагося насильно удерживать за собою власть, принадлежавшую ему нѣкогда по праву.—человѣка, прикидывающагося молодцомъ, когда уже ноги дрожать и измѣняютъ ему на каждомъ шагѣ и съ робкой завистью отрицающаго дѣйствительную силу, проявляющуюся въ новомъ поколѣніи. Такое зрѣлище представлялъ къ сожалѣнію въ послѣдніе годы своей жизни нѣкогда сильный литературный боецъ, подъ вліяніемъ котораго воспиталось почти все наше поколѣніе. Я говорю о Полевомъ... Если-бы онъ, послѣ рокового производа, обрушившагося надъ нимъ, присмирѣлъ по-неволѣ и продолжалъ-бы честно и смиренно трудиться, съ единственною цѣлью поддерживать свое многочисленное семейство, имя его осталось-бы незапятнаннымъ въ исторіи русской литературы. Но Полевой съ-испутомъ поспѣшилъ употребить слабыя остатки своего таланта на угодничество, лесть, которыхъ никто отъ него не требовалъ; безпрестанно унижалъ безъ нужды свое литературное и человѣческое достоинство, протягивая свою руку людямъ отсталымъ, пошлымъ, заштитникамъ тѣхъ принциповъ, противъ которыхъ онъ когда-то ратовалъ, отъявленнымъ негодяямъ, и что всего хуже—съ завистливою ненавистью обратился къ новому поколѣнію... Хотя онъ совершенно потерялъ въ послѣдніе годы свое литературное значеніе, но смерть его на мгновеніе прижирила всѣхъ съ нимъ. Полевой, восхвалявшій романы частнаго пристава Штевена, писавшій «Парашей-Сибирячекъ» и другія тому подобныя произведенія, былъ забытъ. Въ простомъ деревянномъ гробѣ, выкрашенномъ желтою краскою (онъ завѣщалъ похоронить себя какъ можно проще) передъ нами лежалъ прежній Полевой, тотъ энергическій редакторъ «Моск. Тел.», которому мы были такъ много обязаны нашимъ развитіемъ»...

Жестокая правда скрыта въ этихъ словахъ, но правда одна-сторонняя, слишкомъ, я-бы сказалъ, сухая. Мы имѣемъ полное право нѣсколько иначе отнестись къ Полевому.

Странная и даже ужасная судьба выпала на его долю. Нуженъ великій художникъ, чтобы изобразить эту простую и вмѣстѣ съ тѣмъ исполненную трагизма жизнь! Авторъ «Исторіи русскаго народа»,

предшественникъ Лермонтова по настроенію, сильный боецъ и передовой человекъ, гибкій и энергичный умъ, открытое, живое сердце—это Полевой въ первой половинѣ своей жизни. Авторъ заядло-патріотическихъ произведеній, сотрудникъ Булгарина, человекъ, не останавливающійся ни передъ какими униженіями, торговавшій своимъ талантомъ и быстро промотавшій свою великую славу на скользкомъ пути подслуживанія, — это тотъ же Полевой, но уже послѣ закрытія «Москов. Тел.». Что-же случилось? Панаевъ объясняетъ такую перемену испугомъ и матеріальными затрудненіями. Полевой былъ сломанъ по пословицѣ: сила соломѣ ломить.

Разскажемъ вкратцѣ его литературную біографію: это избавитъ насъ отъ необходимости произносить непріятный приговоръ самому видному изъ русскихъ журналистовъ вплоть до Вѣлинскаго и быть можетъ хоть нѣсколько послужитъ ему оправданіемъ. Тѣмъ ярче представятся намъ различнаго рода независимыя обстоятельства.

Полевому было съ небольшимъ 20 лѣтъ, когда онъ принялся за изданіе «Телеграфа». Нельзя не согласиться, что, несмотря на свою молодость, онъ былъ какъ нельзя лучше приготовленъ къ роли журналиста. Не особенно образованный, онъ обладалъ однако многочисленными и разнообразными знаніями; писалъ онъ легко, свободно и всегда литературно, прекрасно владѣя своимъ нѣсколько рѣзкимъ и оригинальнымъ юморомъ, а главное—онъ былъ достаточно смѣлъ, чтобы довѣряться своему вкусу и настроенію. Какъ истинный журналистъ, писалъ онъ обо всемъ, о русской и всеобщей грамматикѣ, о санскритскомъ языкѣ, объ исторіи всеобщей и русскихъ лѣтописяхъ, о театрѣ и политической экономіи, о промышленности и о Шекспирѣ, о научныхъ теоріяхъ и объ искусствѣ, о преобразованіяхъ и успѣхахъ по всѣмъ отраслямъ человѣческой дѣятельности. Конечно академія имѣетъ полное право не причислять его къ лику своихъ членовъ, а наука—отнюдь не меньшее—забыть его, но намъ трудно не вспомнить съ благодарностью объ этой кипучей, разносторонней дѣятельности. Она имѣла большой смыслъ и въ свое время прекрасно сыграла роль толчка—и притомъ очень энергичнаго. Полевой повсюду, съ рѣзкимъ и грубоватымъ даже юморомъ нападалъ на заснувшихъ лѣнтяевъ и педантовъ; онъ буквально не давалъ имъ покоя, въ какія бы спеціальныя сферы или норы они не прятались. Онъ по пятамъ преслѣдовалъ ученое и литературное самодовольство, безжалостно осмѣивая его представителей, искренне утвержденныхъ въ мысли о своей гениальности, вслѣдствіе какой